

К. В. ХВОСТОВА

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ГРИГОРЫ И ПАХИМЕРА И СОВРЕМЕННАЯ ИНФОРМАТИКА

Рассматривая в данной статье некоторые аспекты философии истории двух видных византийских историков, мы используем совокупность современных исследовательских приемов, составляющих часть методики, известной под общим названием «информатика». Эти средства, с одной стороны, обеспечивают подготовку текстов к изданию в качестве машиночитаемых документов, а с другой — и это в данном исследовании главное — предназначены для получения из этих текстов с помощью ЭВМ информации, относящейся к изучаемой проблеме. Подразумеваются тексты сложного содержания (в том числе и нарративные источники), содержащие однородную информацию по изучаемой проблеме. Под однородностью понимаем повторяемость наименований, обозначений, выражений или совокупности выражений, т. е. повторяемость каких-либо предметных характеристик, которые, вообще говоря, могут обладать полисемантической. Уже это обстоятельство — возможная полисеманτικότητα — делает очевидной важность учета всех свидетельств без исключения. Такой учет невозможен при сугубо интуитивном подходе к проблеме, он требует детального перебора всей имеющейся информации. При наличии массовых источников и машиночитаемого их издания проблема упрощается в силу возможности использования ЭВМ. Совокупность исследовательских приемов, связанных с получением из источников сложного содержания с однородной информацией сведений по определенному вопросу, включается в условное понятие контент-анализа¹.

Предполагается, что историческая наука грядущих десятилетий будет основана на системе машиночитаемых документов. Первые шаги в этом направлении делают наши современники. На XVI Международном конгрессе византистов в Вене в 1981 г. проблемы информатики рассматривались как важнейшие с точки зрения дальнейшего развития византиноведения².

Основная цель машинного издания текстов — молниеносная выдача информации в соответствии с запросом исследователя, осуществленным в виде программы для ЭВМ. Запрос и выдача информации — это элементы так называемого диалога с машиной. Но для того, чтобы вести этот диалог, необходимо вначале уяснить на уровне качественного содержательного анализа текста, какую именно относящуюся к данной проблематике информацию целесообразно выводить на печать. Информация может быть получена в виде списков предметных характеристик (наименований, терминов, обозначений, совокупности выражений, а также когнитивных карт или графов, т. е. в форме не только характеристик, но и взаимосвязей

¹ Проблемы контент-анализа в социологии. М., 1970; Методологические и методические проблемы контент-анализа. М.; Л., 1973; *Advances in Content Analysis*. L., 1981; *Гельман-Виноградов К. Б.* Машиночитаемые документы в СССР. М., 1980. Вып. 1; 1982. Вып. 2.

² *Irigoin J.* *Methodologie*. XVI. *Internationaler Byzantinisten-Kongress. Akten I/1*. Wien, 1981; *Guillou A.* *Technologie*. — *Ibid.*

между ними). Вывод предметной информации сопровождается приведением данных о местонахождении в тексте соответствующей информации (указания страницы, строки и т. д.).

Итак, встает вопрос: какова та информация, которую целесообразно молниеносно выбрать из источников с тем, чтобы она оказалась существенной при дальнейшем анализе поставленной проблемы, при обращении к источнику во всей его полноте и к анализу его с помощью всей совокупности известных историко-исследовательских приемов? Повторяем, что речь идет об источниках с массовой информацией и с повторяющимися, т. е. однородными, характеристиками. Примером таких источников по отношению к средневековой истории могут служить жалованные грамоты, имевшие одинаковый формуляр и сходные обозначения, законодательные сборники типа законодательства Юстиниана, в которых содержится множество постановлений, касающихся одного и того же сюжета. Византийская философия истории представляет в этом отношении также богатый материал. С одной стороны, она насчитывает многие тысячи страниц — признак массовости, а с другой — выраженная в ней философия истории (и не только она) изобилует многими общими чертами, относящимися как к форме изложения, так и к содержанию. Имеются штампы, обусловленные воздействием христианского мирозерцания, господствовавших этических представлений, риторических приемов, античных традиций.

Для молниеносного выбора из подобных источников с помощью ЭВМ информации, характеризующей типичное, повторяющееся в явлении, необходимо выработать математическую программу, содержащую алгоритм по отбору информации, предпослать анализ проблемы на содержательном уровне. Иначе говоря, следует вначале составить список типичных предметных характеристик, или их граф, или когнитивную карту на основе предметного анализа одного или нескольких текстов, а именно тех, в которых типичные черты выражены наиболее ярко. При этом используются и другие источники, не массовые и не содержащие однородной информации. Привлекаются также общие знания по предмету. Таким образом, вырабатывается некоторая гипотеза, носящая характер предпосылочного знания, которая верифицируется в ходе последующего анализа. Этот последний состоит в выявлении соответствующего списка, графа или когнитивной карты во всех текстах с однородной информацией. В результате оказывается возможным оценить каждый текст с точки зрения его типичности и соответственно степени отступления от типичного, с точки зрения наличия вариантов и наличия оригинальных свидетельств. Содержательная часть анализа, призванная найти предметные характеристики, отражающие сущность и типичное в явлении, имеет отнюдь не только вспомогательное значение, как предпосылка к выработке программы для ЭВМ в целях запроса типичной и повторяющейся информации из машиночитаемых источников, — она исследует понятийный аппарат, относящийся к изучаемой проблеме, и, следовательно, имеет самостоятельное познавательное значение. В данной статье делается попытка провести понятийный анализ философии истории византийских историков конца XIII—середины XIV в. Георгия Пахимера и Никифора Григоры, вернее, их философских воззрений, относящихся к пониманию ими характера возникновения, так сказать, механизма исторических событий. При машинном хранении информации программа для ЭВМ, которая здесь в силу специфики издания не рассматривается, должна адекватно отражать выявленные ниже на содержательном предметном уровне анализа типичные черты изучаемых воззрений и относящийся к ним понятийный аппарат с соответствующей системой обозначений.

При отсутствии машинного издания текстов выявленный понятийный аппарат, как мы постараемся показать, служит самостоятельным познавательным целям. Учет его при анализе любого произведения византийской историографии должен помочь найти в этом произведении как типичные черты в понимании «механизма» исторических событий, отража-

ющие традиционное мышление, так и индивидуальные варианты, свидетельствующие об оригинальной историко-философской рефлексии.

Выбор для непосредственного рассмотрения воззрений Григоры и Пахимера должен быть ясен из дальнейшего изложения.

О философии Григоры³ — крупного представителя эллинистической культуры — сказано немало. О нем писали Р. Гийан, И. П. Медведев, Е. Муцопулос, Г. Подскальский и др.⁴ Отмечалось, что для Григоры, как и для других византийских историков, история служит дидактическим целям (например: I, p. 6.6; p. 173.11; p. 179.2—5; p. 255.4—7; II, p. 573.19; p. 575.3; p. 574.1—8)⁵. Для исторического деятеля существуют возможности правильного использования исторических событий в своих интересах (I, p. 196.24). Каждое время требует определенных действий, и это следует учитывать (I, p. 24.11). В тяжелые периоды истории не следует пытаться изменить предначертанный ход событий, благоразумнее спокойно сносить судьбу (I, p. 199.14—18; p. 200.3; p. 225.7—12; p. 311.10). Если исторический деятель правильно оценивает момент *καιρός*, то его действия приводят к благоприятным результатам, которые находятся в соответствии с божественным провидением, для обозначения которого используется целое гнездо понятий (*προνοία* — I, p. 83.21; p. 152.8; p. 155.1; p. 176.19; *προνοίας λόγοι* — I, p. 311.8; *θειοῦ προνοιατικῆ* — I, p. 176.19; *θεία δύναμις* — I, p. 164.10; *θεία κρίσις* — I, p. 208.24; *θεός* — I, p. 177.18; p. 242.23; p. 257.5; p. 264.12; II, p. 573.11; *κύριος* — I, p. 263.15). Иногда божественный промысел отождествляется со спонтанностью развития (I, p. 164.1—3). Понимание роли божественного провидения и соответствующий понятийный аппарат далеки у Григоры от строгой последовательности и, более того, страдают противоречиями. По мере повествования акцентируются те или иные соотношения прони и деятельности людей. Иногда промысел непознаваем и не связан с человеческими поступками. Но более органично представление, согласно которому промысел и свобода воли, реализуемая в поступках людей, — это две взаимодействующие силы. Промысел реагирует на людские деяния, посылая возмездие (I, p. 139.24—25; p. 140.1; p. 173.11—16; p. 176.11—19; III, p. 163.5—9) или воздавая награды (I, p. 197.13; p. 224)⁶.

Дальнейший анализ должен показать, в какой мере соответствующие обозначения отражают понятийный аппарат, относящийся к пониманию Григорой механизма исторических событий⁷.

³ *Nicephori Gregorae Byzantina Historia*, I—III. Bonnae. 1829—1855. Далее в скобках в тексте указываются том, страница, строка боннского издания.

⁴ *Guillard R.* Essai sur Nicéphore Grégoras. L'homme et l'oeuvre. P., 1926; *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV—XV вв. М., 1976; *Moutsopoulos E.* La notion de «kairicité» historique chez Nicéphore Grégoras. — Actes du XIVe International Congrès des études byzantines. Bucarest, 1975. t. II, p. 217—222; *Досталова Р.* Византийская историография. — ВВ, 1982, 43; *Podskalsky G.* Theologie und Philosophie in Byzanz. München, 1977, S. 160—165. В последнее десятилетие творчеству Григоры, а также переводу и изданию его произведений посвятили свои исследования П. Л. М. Леоне, Г.-В. Байер и Ж. Л. ван Дитен. Библиографию новых исследований, посвященных Никифору Григоре, см.: *Podskalsky G.* Orthodoxe und westliche Theologie. — XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Akten, I/1. Wien, 1981, S. 520—521.

⁵ *Moutsopoulos E.* Op. cit., p. 217—222.

⁶ Понятия возмездия и дара выдержаны в духе официальной христианской и политико-правовой византийской доктрины, утверждающей божественное происхождение власти императора, вознаграждение и возмездие соответственно за благие и неблаговидные дела. См.: *Hunger H.* Prooimion. Elemente der Byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964, S. 49—58; 66f. Эти идеи характерны для многих образцов византийской историографии. Ср.: *Любарский Я. Н.* Византийцы о «двигателях истории»: (К проблеме идейных течений XI в.). — В кн.: Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982, с. 16.

⁷ В связи с пониманием не только Григорой, но и другими византийскими мыслителями прони отметим следующий момент, ускользающий, по-видимому, от внимания многих исследователей. В понимании византийскими историками прони как условного пожалования совокупности прав попечительства на условия испол-

Каждое конкретное событие, восходящее в конечном итоге к непознаваемой трансцендентной божественной необходимости, случайно и определяется стечением многих факторов-причин (αἰτία, αἰτίον — I, p.153.8; p.187.3; p.258.17; p.295.3; ἀφορμή — I, p.158.5). Иногда для констатации стечения разнообразных факторов в духе Аристотеля используется выражение συμβαίνω⁸. Факторы-причины обусловлены воздействием общих нравственных качеств человека, совершающего дурные и хорошие поступки. Первые связаны с нереализацией нравственных качеств-добродетелей, а вторые — с их реализацией. Взаимосвязь присущих человеку добродетелей и его поступков обуславливает ценность исторического опыта. Впрочем, эта ценность относительна. В общественную жизнь человека нередко вторгается непредвиденная сила, отождествляемая иногда с тухе⁹. Но, несмотря на то что многие события неожиданны, Григора в соответствии с его пониманием дидактической роли истории говорит о возможности предвидения будущего: «... ἐκ τῶν φθάσαντων στοχαζομένους τὰ μέλλοντα» (I, p.5.15—16; I, p.310). Имеется в виду отнюдь не предвидение смысла общей трансцендентной, непознаваемой и недетерминированной необходимости, а предвидение положительных или отрицательных последствий хороших и плохих деяний человека, связанное с его способностью понять требования времени. В таком понимании предвидения Григора не оригинален, подобные воззрения высказывали и другие византийские историки¹⁰. Поэтому представления о предвидении и соответствующие обозначения — это отражение типичных взглядов византийских историков на происхождение общественных процессов. Но встает вопрос: в какой мере рассуждения о прогнозировании являются только общим местом, как многие считают¹¹, данью традиции и в какой мере традиция дополняется личностным, индивидуальным отношением, отражая воззрения отдельных историков? Для выяснения этого следует выявить, насколько рассуждения о прогнозировании связаны, с одной стороны, с концепцией о необходимом и случайном в истории, а с другой — с описанием историком реальных событий и с их оценкой.

Ответ на первый из поставленных вопросов предполагает рассмотрение взглядов византийских историков (Григора в этом отношении только наиболее типичен) с учетом понятийного аппарата современной науки. Такой подход к проблеме является неотъемлемым атрибутом всякого теоретического исследования¹². Смысл подобного подхода к материалу в том, что исследователь, анализируя воззрения прошлого, задается целью оценить их с точки зрения проблем, которые ставит современная наука. Тем

нения государственной службы и проники как божественного провидения существует, очевидно, тесная связь. Прония как пожалование государственному чиновнику прав попечительства на определенную территорию понималась как уступка со стороны императора части того попечительства, которым располагал сам император и которое имело божественное происхождение. См.: *Hunger H.* Op. cit., S. 88, 92. Это обстоятельство явно обнаруживает понимание официальной правовой доктриной императорской власти как попечительства, уподобляемого божественному попечительству.

⁸ Например: II, p. 657.14; p. 705.10; p. 723.15, 20—21; p. 707.2. Ср. также: *Loenertz R.-J.* Les recueils des lettres de Démétrius Cydonès. Vaticano, 1948, p. 98.2. Используются также выражения: τυχάω (I, p. 200.16), φθάω (I, p. 5.15—16), γίγνομαι (I, p. 53.1; p. 187.22). Ср.: *Богомолов А. С.* Детерминизм, спонтанность и свобода воли в философии Демокрита. — *Вопросы философии*, 1982, № 3, с. 122.

⁹ *Beck H. G.* Theodoros Metochites. Die Krise des Byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952. Относительно τύχη византийских историков см. также: *Turner G. I. G.* Pages from late Byzantine Philosophy of history. — *BZ*, 1964, p. 346—373; *Досталова Р.* Указ. соч., с. 33, примеч. 93; *Медведев И. П.* Указ. соч., с. 104. Ср. также: *Кудрявцев О. Ф., Уколова В. И.* Представления о фортуна в средние века и в эпоху Возрождения. — В кн.: *Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе.* М., 1983, с. 174—202.

¹⁰ *Досталова Р.* Указ. соч., с. 25, примеч. 31.

¹¹ Там же.

¹² *Яковлев А. А.* Понимание как методологическая проблема истории философии. — *Вопросы философии*, 1984, № 8, с. 73.

самым определяется историческая значимость изучаемых воззрений прошлого¹³. Кроме того, оказывается возможным выявить общее в изучаемых воззрениях, то общее, вокруг которого возникают варианты.

Итак, каковы общие типичные черты в понимании общественных явлений у Григоря? В переводе на язык современного понятийного аппарата Григора в своеобразной форме выразил не только взаимосвязь необходимого и случайного, но и наивные представления о вероятном стохастическом или статистическом характере общественных событий. В этой связи знаменательно не только выражение *στοχάζομαι*, используемое Григором для обозначения возможности предвидения результатов поступков людей, а также для определения случайных стохастических процессов, статистических закономерностей, в современной теории вероятностей, но и все содержание воззрений Григоря, воззрений неоригинальных¹⁴, но более четко выраженных, чем у других византийских историков.

Стохастический процесс — это процесс, при котором в соответствии с современной теорией вероятностей элементы системы случайно, в силу совпадения многих факторов-причин, осуществляют определенную возможность, соответствующую именно данному распределению вероятностей из всего существующего поля возможностей¹⁵.

Естественно, Григора выразил эту идею интуитивно, иногда оставаясь на уровне обыденного сознания, используя понятия своей эпохи. Так, признавая в духе Аристотеля случайные события как результат совпадения ряда факторов, Григора рассматривает тем самым случайное как проявление стохастичности, т. е. статистической закономерности. Но эти проявления необходимости лишь вероятны, так как вероятно и непредвиденное, т. е. вторжение тухе.

Но неотъемлемым признаком стохастических процессов в соответствии с современным их пониманием, как мы только что отметили, является не только то, что конкретные проявления необходимой тенденции, ее случайные реализации, являются результатом стечения многих причин, но и — и это очень важно — факт существования поля возможностей, или пространства событий. Это означает, что число возможных исходов не безгранично, а лимитировано самим характером явлений. Далее, необходимо строго определенное распределение вероятностей. Последнее означает, что каждая случайностная реализация необходимой тенденции может проявиться с определенной вероятностью, и это подтверждается анализом многих аналогичных ситуаций.

Каким же образом Григора с его характерным видением мира как сочетания необходимого и случайного на интуитивном уровне выразил идеи поля возможностей событий и распределения их вероятностей?¹⁶ Эти

¹³ В качестве яркого образца такого исследования см., например: *Мухелишвили Н. Л., Сергеев В. М.* Контекстная семантика понятий и зарождение логических парадигм: (Логика византийских мыслителей и идеи квантовой физики). — В кн.: Текст: семантика и структура. М., 1983, с. 285—295; *Топоров В. Н.* Пространство и текст. — Там же, с. 229—231; *Миздал А.* В поисках истины. М., 1983, с. 48; *Ахундов М. Д.* Концепции пространства в времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982, с. 4, 5, 7; *Алексеев И. С., Овчинников Н. Ф., Печенкин А. А.* Методология обоснования квантовой теории. М., 1984. Гл. V.

¹⁴ Ср. у Димитрия Кидониса: «ἐκ τῶν τότε περὶ αὐτὸν φαινόμενων στοχάζομενος» (*Démétrius Cydonès. Correspondance* / Ed. R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1948, v. II, N 133, p. 29). Сходные воззрения высказывал и Плифон. См.: *Медведев И. П.* Византийский гуманизм..., с. 120—121. Особенно близок к Григору в этом отношении Пахимер, о котором речь впереди.

¹⁵ *Герц Г.* Закон, развитие, случайность. — Вопросы философии, 1978, № 8, с. 55. Поле возможностей, или пространство событий, — все те возможные исходы, которые данный процесс может иметь в различные временные периоды.

¹⁶ Попытка выявить в системе историко-философских воззрений византийских историков представления о стохастичности общества в силу непривычности подобного подхода к проблеме может показаться известной модернизацией. В действительности такая оценка прошлого в терминах понятийно-категориального аппарата современной науки с точки зрения логики научного познания вполне право-

идеи можно усмотреть в представлениях Григоры о том, что исторический деятель для того, чтобы учесть требования времени и правильно выбрать момент (кайрос) для достижения благоприятного результата, должен проявлять способности к управлению. Иными словами, он должен реализовать добродетели, характеризующие согласно существовавшим этическим понятиям достойное правление. Признавался набор добродетелей, который не являлся строго определенным, он варьирует, поскольку воззрения Григоры, как и других византийских историков, далеки от рафинированной теории. Однако набор добродетелей (*ἀρετή* — II, p.574.1; p.575.16; p.589.7, 21) всегда конечен в том смысле, что квалификация всякого замысла как положительного или отрицательного предопределена общими этическими представлениями, основанными на традиции и наблюдениях, на убеждении в повторимости, а потому в ценности общественного опыта.

Положительными качествами, например, признавались следующие черты характера или нравственные проявления: спокойствие, постоянство в характере и поступках (*εὐστάθεια*), твердость характера (*ἐμβριότης, βεβηκώς*). Именно этими добродетелями был отмечен, согласно Григоре, Иоанн Ватац (I, p.24, 12—21). Безусловной добродетелью являются также проявления скромности, умеренности (*μετριότης*), щедрости, рассудительности, нелицемерия, мягкости (*ἀρρεπής, ἡ μερότης*), наличие воинских доблестей (I, p.189.1; p.274—275; II, p.574.4, 9), справедливость (*δικαιοσύνη* — II, p.590.5—6), кротость (*πραότης* — II, p.590.5). Конечность набора добродетелей¹⁷ и означает, что результат поступка, оценка которого пред-

мерна и аналогична, допустим, выводам современных исследователей о характере и особенностях понимания античными и византийскими историками проявлений исторического времени, о понимании ими проблем историзма (см., например: Лосев А. Ф. Античная философия истории. М., 1977, с. 31—55). Того же уровня обобщенности — ставшие привычными суждения об элементах вероятностных представлений в древности и средневековье. Дело в том, что стохастический характер общественных явлений в любом обществе — объективное свойство этого общества. Объективное в том смысле, что стохастический процесс в обществе противостоит каждому индивиду и ощущается им. В зависимости от наличия в обществе того или иного понятийного аппарата стохастический процесс воспринимается по-разному, но он воспринимается всегда. Он воспринимается прежде всего как наличие в общественной жизни, с одной стороны, явлений устойчивых и повторяющихся, а с другой — как одновременное наличие явлений изменчивых, а также неповторимых событий. Значительная роль двух последних компонентов восприятия стохастичности делает всякую ориентацию в общественной и политической обстановке, ориентацию, состоящую в предвидении политических и общественными деятелями политических и общественных ситуаций, гипотетичной, вероятностной. Итак, всевозможные сведения источников, говорящие что-либо о способах вероятностной ориентации исторических личностей прошлого в современных им событиях, ориентации, основанной на опыте прошлого и настоящего, свидетельствуют о тех или иных формах понимания в данном обществе стохастических общественных процессов. Естественно, что для описания наблюдаемых и определенным образом воспринимаемых стохастических общественных закономерностей в каждом обществе применяется соответствующий, распространенный в этом обществе понятийный аппарат. В Византии названные представления во многом выражались в привычных терминах философско-богословского мировоззрения. Кроме того, стремление выразить представления о стохастичности общественных явлений способствовало живучести идей, относящихся к тем же.

Полагаю, что рассмотрение понятийно-категориального аппарата средневековой эпохи, в том числе и Византии, с точки зрения выявления понятийных средств выражения представлений о стохастичности способствует постановке ряда неисследованных и актуальных с точки зрения современного состояния науки проблем. Вероятностные представления в воззрениях византийцев восходят, как видно, к аристотелевской традиции, сочетавшейся, как известно, у Григоры с его платонизмом, они в специфической форме присутствуют и в собственно богословской литературе, например у Филофоя Коккина, в его возражениях Григоре: «Ἔστι γὰρ καὶ διὰ τῆς ἐμφανιζομένης τῷ παντὶ σοφίας, τὸν ἐν σοφίᾳ τὰ πάντα τελοῦντά σοχαστικῶς ἰδεῖν» (PG, t. 151, col. 866 D).

¹⁷ Ср.: Поляковская М. А. Понятие нравственной нормы в византийской литературе XIV в. (А. Макремволит). — АДСВ, 1973, 10; Verpeaux J. Nicéphore Choumnos. L'homme d'état et humanist byzantin (ca 1250/1255—1327). P., 1959, p. 197.

определена, в известной мере предсказуем. Его исход может составлять несколько учитываемых вариантов (в соответствии с реализуемой или не реализуемой добродетелью или в результате вмешательства тюхе, т. е. непредвиденный итог). Некоторая очерченность результатов и определяет понимание поля возможностей. Необходимость, таким образом, воплощается в постоянстве нравственно-психологических возможностей, в неизменности во времени всего набора добродетелей и связанной с этим повторемостью аналогичных ситуаций.

Обозначения добродетелей составляют элемент понятийного аппарата, относящегося к представлениям о характере исторических событий, не только у Григоры, но и у других византийских историков. Поэтому при наличии машинного издания источников в целях детального изучения понимания византийскими историками структуры исторических событий целесообразно обозначения добродетелей (равно как и понятия, относящиеся к божественному промыслу, необходимости, временному моменту, предвидению) извлечь с помощью ЭВМ из разных текстов историографических сочинений.

При отсутствии машиночитаемых документов соответствующего вида научная значимость проблемы изучения списка добродетелей в сочинениях различных византийских историков как важного элемента представлений этих историков о структуре исторических событий не исчезает, а сохраняет свое значение понятийного анализа в области византийской философии истории. Сопоставление добродетелей, признаваемых Григорой — одним из видных представителей теоретической мысли — и другими историками, — это, как видно, путь к выявлению общих типичных черт и индивидуальных проявлений не только в этических воззрениях как таковых, но и в понимании механизма исторических событий. Представления об этом механизме уместаются в схему нравственно-психологической поведенческой модели, согласно которой, (а также в соответствии с официальной доктриной о даре и антидаре) реализация или нереализация добродетелей влекут за собой божественное вознаграждение или возмездие, а следовательно, определяют возможность наступления того или иного события.

Что же касается понимания Григорой распределения вероятностей, то в этом отношении характерно его мнение о том, что судить о добродетелях следует по намерениям и высказываниям, а не по результатам поступков, которые могут оказаться и непредвиденными (II, p.589.21). Кроме того, данное свидетельство важно опять же для понимания роли нравственно-психологического фактора у Григоры.

Ограниченные возможности обмена информацией в средние века определяли слабые социальные коммуникации. Дмитрий Кидонис в одном из писем писал о разнообразии непроверенной информации, затрудняющей ориентацию в событиях¹⁸. Характер передачи и распространения информации во многом определял политическое поведение. Кроме того, специфика информационных процессов обусловила вероятностную нравственно-психологическую интерпретацию византийскими историками процессов принятия политических решений и придавала нравственно-психологическую окраску всей рассматриваемой поведенческой модели.

В связи с изложенным нельзя не остановиться на понимании Григорой *καίρος* (I, p.62.1—3; p.66.18—19; p.49.14; p.196.24; p.200.11; II, p.575.20; p.577.15; p.583.3; III, p.155.10). Е. Муцопулос полагает, что *καίρος*¹⁹ и близкие выражения Григоры означают благоприятный момент.

Представления о совокупности добродетелей, движущих поступками людей, имеют давнюю историографическую традицию, представленную как античной, так и христианской историографией. См.: Удальцова З. В. Развитие исторической мысли. — В кн.: Культура Византии. IV—первая половина VII в. М., 1984, с. 130, 207.

¹⁸ Loenertz R.-J. Les recueils des lettres de Démétrius Cydonès, p. 98.2.

¹⁹ Moutsopoulos E. La notion de «kairicité». . ., p. 217.

являющийся одновременно и минимальным и оптимальным. Эти выражения могут означать «слишком мало», «излишне», «еще не», «уже не» и т. д. Поэтому понимание Григорой благоприятного момента целесообразно оценить с помощью понятий, относящихся к бесконечно малым величинам²⁰. Нам представляется это мнение недостаточно аргументированным. В воззрениях Григоры мы не усматриваем понятия предела, которое является необходимым компонентом представлений о бесконечно малых величинах. Поэтому *καίρος* несет больший отпечаток привычного словоупотребления. *Καιρος*, как и обычно, означает прерывность и не характеризует индивидуальное философское мировоззрение Григоры. Например, *καίρος* в значении, близком к тому, которое мы встречаем у Григоры, используется в документе иного характера, а именно в акте прота Феодосия (1353 г.), оформляющем дар монастырю Лавры св. Афанасия на Афоне ряда афонских келий. По мнению мудрецов, говорится во вводной части дарственной, определенные временные моменты являются душой вещей. Если этого не понять и не управлять, то в делах возникнет ущерб²¹. *Καιρος* — в представлениях византийцев — не только отметина на временной оси, прерывность в непрерывном временном потоке, это и пространственная определенность. Каждое время требовало от правителя тех или иных поступков, но от правителя ромеев, а не правителя вообще. *Καιρος* — это хронотоп.

К изложенным выше воззрениям Григоры особенно близки взгляды Пахимера. В его исторических сочинениях отсутствует в отличие от Григоры теоретическое введение. Именно поэтому воззрения Григоры, как более определенные, рассмотрены в начале данной статьи. Рассказывая о событиях и их причинах, Пахимер, как и Григора, восклицает: «Так требовало их время, так представлялось правителю»²². Плохо управляемый корабль (излюбленный, восходящий к античности образ многих византийских писателей) терпит бедствия. Предвидение будущего также выражается с помощью *στοχάζομαι* (I, p.13). Предвидеть можно случайное *τὰ συμβεβημένα* (Ibid.). Возможность предвидеть случайные события, возникающие из совпадения причин, показывает, что события мыслятся как случайные реализации необходимости, которая понимается как божественный промысел, и они связаны с определяемым божественным промыслом неизменным характером добродетелей. Наличие или отсутствие добродетелей — признак деяний, совпадающих или не совпадающих с божественным промыслом.

Выражение *τὰ συμβεβημένα* употребляется Пахимером, как и Григорой, в соответствии с трактовкой его Аристотелем, т. е. для обозначения случайного как результата совпадения ряда причин, как того или иного проявления сущности, вызванного рядом внешних обстоятельств.

Пахимер упоминает такие добродетели, необходимые для правителей: щедрость, почитание бога, стремление делать добро, почитание церкви (I, p.62.27)²³.

Иными словами, представления о необходимом и случайном у Пахимера имеют форму наивных представлений о стохастичности, наивных, т. е. выраженных на уровне здравого смысла и присущего эпохе понятийного аппарата. Характерно, что в поздневизантийских официальных документах, исходящих из императорской канцелярии, для обозначений слу-

²⁰ Ср. также: I, p. 24.11; II, p. 723.11; p. 746.1; p. 623.13; p. 663.9; III, p. 142.5—7.

²¹ Actes de Lavra. P. 1979, v. III, N 133, p. 50.1—3.

²² *Georgii Pachymeris de Michaelae et Andronico Paleologio libri XIII* / Ed. I. Bekker. Близки к этим взглядам и представления Димитрия Кидониса. См.: *Congressandance*, v. II, N 162, p. 33: «Ὅπω μοι τὸν καιρὸν ἐκεῖνον ἤκειν νομίζω...».

²³ Все эти требования достаточно традиционны, отражены во многих источниках. Ср.: Actes de Lavra, III, N 118.1—46; N 128, p. 37.1—2; *Hunger H. Op. cit.*, S. 219. См. также: Поляковская М. А. Димитрий Кидонис и Иоанн Кантакузин. — ВВ, 1980, 41, с. 176.

чайных событий употребляется выражение τυγχάνω, и особенно характерно употребление φθάνω²⁴.

Таким образом, наивные представления о стохастичности общественных явлений были распространены и отражали наблюдение реальности.

Переходим к вопросу о том, в какой мере взгляды на стохастичность у Григоры и Пахимера наполнены индивидуальным ценностным восприятием и реальным причинным анализом событий, результатом наблюдений над общественными отношениями. Именно степень индивидуального ценностного отношения к событиям, а также попытки конкретного анализа событий должны показать, что представления византийских историков о стохастичности, о возможности предвидения будущего органически связаны с их восприятием исторической действительности. Описание конкретных событий и является той формой, в которой обнаруживается понимание структуры событий, представление о них как о результате совпадения многих причин, о вероятностном характере результата того или иного поступка и о роли намерения, о конечном, ограниченном числе возможных исходов деяний исторических деятелей, обуславливающим возможность относительного предвидения. В этом отношении особенно характерен Пахимер с его иерархической системой причинных зависимостей и их оценкой. Показательно, например, описание борьбы Михаила VIII Палеолога за власть, изобилующее оценочными характеристиками.

Император избирается в результате божественного промысла, необходимости. Бог избирает наиболее достойных. Этапы борьбы Михаила VIII за власть рассматриваются как деятельность в соответствии с божественным предопределением (I, p.93, p.101). В первые годы своего правления Михаил VIII Палеолог совершает достойные поступки, находящиеся в соответствии с его предназначением. Однако затем он начинает расточать казну (I, p.93), совершает преступные акции по отношению к малолетнему Иоанну (I, p.108). Все эти действия вызывают порицания Пахимера. Четко различаются положительные и отрицательные деяния.

Описывая и характеризуя конкретные причины²⁵, приведшие к фиксируемому результату, Пахимер не только их оценивает, но и подробно рассматривает многие факторы и высказывает свое понимание события как стечения причин, понимание события, являющегося стохастическим проявлением необходимости. Иными словами, стохастичность не только декларируется, но анализируется, показывается, что событие — результат действия многих факторов. Примеров здесь можно привести множество. С большой убежденностью Пахимер повествует, например, о том, какую положительную роль в системе обороны границ империи имели крепости в горных местностях. Жители этих крепостей — акриты — пользовались разными привилегиями (I, p.16.2—19), в частности не платили податей. Однако при Михаиле VIII обороноспособность акритов сильно уменьшилась. Причины следующие. По приказу Михаила VIII была составлена перепись акритов, за их счет сформировано войско, они были обременены податями. Эти три равноправные причины вызвали два параллельно действующих следствия. У акритов исчезла ревность к воинской службе и ослабла энергия. Как видно, Михаил VIII не проявил щедрости — качества, составляющего необходимый атрибут добродетели императора. В результате — отрицательный итог, возникший как следствие стечения трех конкретных обстоятельств. Это и есть стохастическая тенденция.

Характерно, что Пахимер связывает возможность разных событий с появлением групп разной политической ориентации. Аналогично высказывался и Кекавмен, что отмечено Г. Г. Литавриным. Кекавмен полагал,

²⁴ Например, из хрисовула Михаила VIII Палеолога (1263 г.) с очевидностью явствует употребление φθάνω в значении «случается в результате совпадения ряда факторов»: ἐφθάσε... ἐκ τῆς πραγμάτων ἀνωμαλίας καὶ στενότητος τῆς πρὶν καθυφεῖναι τάξεώς τε καὶ χάταστάσεως...» (Actes de Lavra, v. II, N 72, p. 14.26—30).

²⁵ О причинном анализе в византийской историографии см. также: Любарский Я. Н. Византийцы о «двигателях истории», с. 4—19.

что появление политических группировок связано с ненормальным положением в государстве²⁶. Григора же возводит такую ситуацию к злу, к дьяволу (I, p.160.14). Допускаемая Пахимером возможность наличия нескольких политических исходов (I, p.93.4—11) особенно наглядно показывает своеобразное понимание им поля возможностей. Более того, на уровне понятийного аппарата, свойственного той эпохе, Пахимер интуитивно приближается к пониманию пробабилистического аспекта вероятностного проявления закономерностей, т. е. к пониманию вероятности перехода из одного состояния в другое.

Так, Пахимер пишет о том, что Михаил VIII Палеолог, придя к власти, заручился поддержкой ряда социальных сил и домогался поддержки церкви. При этом он указывал на то, что его предшественник на императорском троне стремился возвеличить императорскую власть в ущерб церковной (I, p.93.4). В связи с этим в среде высшего духовенства не было единства и возникали двойственные мысли (I, p.93.11). Возможность перехода от одного решения проблемы политических отношений к другому, что связано со свободным волеизъявлением человека, отражает понимание на уровне здравого смысла поля возможностей при принятии решений.

Если набор добродетелей, наличие или отсутствие которых определяло хорошее или плохое правление, свидетельствует о том, каким образом Пахимер понимал поле возможностей, характеризующее случайностное проявление необходимости, то анализ им причин, вызвавших конкретное событие, позволяет судить об особенностях понимания Пахимером распределения вероятностей. Обычно причины равновероятны. Лишь изредка отдается предпочтение той или иной. Например, подробно характеризуются причины, склонившие духовенство и высших сановников к избранию Михаила VIII Палеолога императором. Крайняя необходимость (ἀνάγκη — I, p.90) побудила патриарха содействовать избранию. В серии причин, которые характеризуются как параллельные, т. е. равнозначные, особое место занимают обещания, данные Палеологом подданным. Более всего претендент обещал заботиться о войске (I, p.92). Таким образом, мы имеем длинный ряд равноправных причин и одну причину, которая имела преимущественное воздействие. Обещание больше всего почитать войско (раздача проний) обеспечило Михаилу VIII политическую поддержку военной аристократии, выразителем социально-политических интересов которой он являлся.

Непосредственная связь представлений о возможности предвидения будущего у Григоры и Пахимера с описанием ими исторических событий и их анализом свидетельствует о том, что представления о предвидении (гносеологические корни которых восходят к римской и эллинистической идеологии), нашедшие отражение в византийской официальной политической доктрине в виде тезиса о способности императора к предвидению²⁷, имели и иную, так сказать эмпирическую, основу. Представления византийских историков о предвидении связаны с наблюдениями над столкновениями интересов на поприще государственной и политической деятельности, с анализом психологии человека. Гуманистически окрашенная этика византийских историков — отчасти результат осмысления жизненного опыта, личных наблюдений и анализа нравственно-психологических проявлений человека в политической сфере. Трансцендентность божественной необходимости, ее непознаваемость обусловили взгляд на вероятностный характер предвидения результатов непосредственных поступков людей как на реализацию или нереализацию определенного набора добродетелей. Противоречивое соотношение божественной необходимости и свободы воли, свойственное христианскому мирозерцанию,

²⁶ Советы и рассказы Кекавмена / Вступ. ст., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972, с. 65.

²⁷ *Hunger H. Op. cit.*, S. 87.

получило в византийской историографии своеобразную форму в виде представлений о нравственной значимости общественного опыта и о возможности относительного предвидения его результатов.

Ценностный подход к пониманию явлений, связанный с их причинным анализом, приводит к определенному отбору событий при их описании. Отбор событий в соответствии с их ценностью признает Григора (I, р.141.5). Такой отбор означает, что нарратив византийской историографии носит сознательно реферативный характер, отражающий индивидуальную оценку событий, осуществляемую в рамках общих представлений и традиционного понятийного аппарата.

В итоге понятийного анализа оказывается целесообразным включить в списки понятий при диалоге с машиной при условии машинного хранения информации²⁸ рассмотренные выше выражения, характеризующие божественное провидение, обозначающие причины, совпадение факторов-причин, а также перечни добродетелей, оценки, выражения, обозначающие предвидение и временной момент, необходимый для принятия решения. Все эти выражения являются ключевыми при изучении философских воззрений, относящихся к пониманию механизма исторических явлений и событий.

Встает вопрос: является ли данная схема, связанная с употреблением определенных понятий и выражений, единственной? Иными словами, не существовали ли какие-либо другие выражения, допустим, выражающие причинные зависимости? Безусловно, такие выражения имелись. Например, причинные взаимосвязи обозначаются с помощью выражений *διὰ ταύτα* — I, р.159.2; *ὅθεν* — I, р.175.13; *ἐπεὶ* — I, р.158.9 и др. Но в таком случае мы можем говорить об оценке византийскими историками зависимости двух событий, одно из которых следует за другим, но не о понимании ими причинности в истории на уровне категорий, понимании, которое заставляет говорить о философии истории.

Понятийный аппарат, связанный с пониманием общественных событий, которые интерпретировались как случайностные проявления необходимой тенденции, как общественные ценности, результат проявления нравственных добродетелей, которые можно предвидеть, отражает еще следующие характерные особенности рассматриваемых воззрений. Заверения византийских историков в объективности, в том, что они сообщают истины, не следует понимать буквально. Понимание истины не означает полной беспристрастности изложения. Такие заверения означали оценку событий с позиций традиционной этики и в соответствии с поведенческой моделью, в которой реализации добродетелей отводится совершенно определенная, охарактеризованная выше роль.

Нравоучительный характер историографии, описание событий и анализ причин, в том числе анализ переживаний политических деятелей, признание нравоучительной значимости социального опыта прошлого для будущего означают понимание социального опыта как объекта личностного понимания, трактовку этого опыта как источника воспитания и веры.

²⁸ До сих пор попытки формального анализа историографических текстов проводились в основном в целях углубленного анализа их структуры. См., например: Кузнецова Т. И., Миллер Т. А. Античная эпическая историография. М., 1984, с. 25, 32; Методы количественного анализа текстов нарративных источников. М., 1983 (ротапринт Института истории СССР).